

ДВА МИРА. ОДИН МЯЧ. ТРИ СЕКУНДЫ.

ПРАВИЛО ТРЁХ СЕКУНД

ЭМИ ЛЭЙ

Эми Лэй

Правило трёх секунд

<https://litres.ru/74289028>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она приехала в Ниццу, чтобы учиться. Чтобы однажды открыть школы для детей, которые потеряли голос в чужой стране. Она носит платок, говорит тихо и не ищет внимания. Особенно от тех, кто считает себя центром вселенной.

Он - капитан баскетбольной команды. Седьмой номер. Сын легенды. Тот, кто не проигрывает. Два года назад он заблудился в Марокко. Она вывела его из лабиринта, не назвав имени, и исчезла. Он так и не узнал, кто она.

А потом она вошла в его университет. Он увидел её на трибунах. Она сидела на краю, смотрела на его команду спокойно, холодно. Он узнал её мгновенно. Она даже не заметила, что он смотрит на неё.

Он подошёл к ней при всех. Она подняла глаза. В них не было узнавания. Она смотрела на него, как на пустое место.

Тогда он понял: это будет самая сложная игра в его жизни.

Правило трёх секунд работает всегда. Даже когда ты не на площадке.

Добро пожаловать в Ниццу. Здесь играют до конца.

Эми Лэй

Правило трёх секунд

Посвящение

Этой книгой я говорю «спасибо» той, кто когда-то была моей сестрой. Ты видела свет там, где я сомневалась, и никогда не говорила «это глупо» — только «это интересно, расскажи ещё». Где бы ты ни была — часть этой истории твоя.

Пролог

Я не знал, что заблудился, пока не услышал азан.

Он звучал иначе, чем в Ницце. Здесь он был не просто голосом с минарета — он был самым городом, его дыханием, его пульсом. Он разливался по узким улочкам, проникал сквозь щели между ставнями, оседал на нагретых камнях. Я стоял посреди переулка, вымощенного старой брусчаткой, и не понимал, как сюда попал. Телефон был мёртв уже больше часа. Кошелёк, кажется, остался в такси, которое довезло меня до отеля. Я усмехнулся собственной глупости. Капитан баскетбольной команды, который никогда не теряет мяч, только что потерял самого себя.

Жара стояла липкая. Футболка прилипла к спине. Я провёл рукой по лицу — пальцы стали мокрыми. Где-то рядом пахло хлебом, шафраном и мятой. Я сделал шаг, потом ещё один. Улочки извивались, как змеи, и мне казалось, что я хожу по одному и тому же месту. Те же двери, те же ставни, тот же орнамент на стенах. Марокко красивое. Марокко душит.

Я слышал шаги. Лёгкие, быстрые. Девушка вышла из-

за угла с пакетом в руках, остановилась, увидела меня и чуть наклонила голову. Бирюзовый платок, карие глаза, руки, сжимающие пакет с хлебом и зеленью. Она была примерно моего возраста, но смотрела так, будто видела таких потерянных туристов каждый день.

— Потерялся? — спросила она по-французски, без акцента.

— Похоже на то, — сказал я.

— Что, телефон сдох?

— И кошелёк, кажется, тоже.

Она смотрела на меня с лёгкой усмешкой, но не снисходительной. Скорее — оценивающей.

— Ты не похож на того, кто теряет кошельки.

— Спасибо за комплимент.

— Это не комплимент, — сказала она. — Просто наблюдение.

Она прошла мимо меня, даже не сбавив шага, но на пол-

пути остановилась и обернулась.

— Ты вообще знаешь, где ты?

— В Марокко.

— Умный. Я спрашиваю — в каком районе?

Я оглянулся. Белые стены, синие ставни, горшки с геранью на подоконниках. Всё выглядело одинаково.

— Понятия не имею.

Она закатила глаза. В этом жесте не было злости — только лёгкое раздражение человека, который привык всё решать за других.

— Иди за мной, — сказала она, уже поворачиваясь. — Только быстро. У меня хлеб остывает.

Я пошёл за ней. Она не смотрела на меня, не проверяла, иду ли я. Она просто знала, что я иду.

— Ты первый раз в Марокко? — спросила она, не оборачиваясь.

— Второй.

— И каждый раз теряешься?

— Только в этот.

Она фыркнула — не то чтобы усмехнулась, но что-то близкое.

Мы прошли мимо мечети, мимо старого рынка, мимо лавки, где продавали сладости. Она шла уверенно, как будто каждый камень здесь был частью её дома. Я смотрел на её затылок, на платок, и думал о том, что она не спросила, откуда я. Не спросила, как меня зовут. Не предложила помощь. Она просто взяла и повела.

— Твой отель через три дома, — сказала она, остановившись на краю небольшой площади. — Вон там, видишь?

Я посмотрел в ту сторону и узнал вывеску. Я был в двух минутах ходьбы.

— Спасибо, — сказал я.

— Не за что, — ответила она и развернулась, чтобы уйти.

— Эй, — окликнул я. — Как тебя зовут?

Она остановилась, обернулась через плечо. Глаза сверкнули в свете уходящего солнца.

— Неважно, — сказала она. — Ты же всё равно меня не запомнишь.

И она ушла. Я стоял на площади и смотрел, как она исчезает за углом. Слышал её шаги, потом они стихли.

Я не знаю, сколько я простоял там. Минуту. Пять. Может быть, больше. Солнце уже начало садиться за крыши, окрашивая небо в оранжевый и золотой. Я смотрел в ту сторону, где она скрылась, и чувствовал странную пустоту внутри. Как будто она забрала с собой что-то важное, чего я не мог назвать. Я не знал её имени. Не знал, где она живёт, кем работает, почему оказалась здесь в этот час. Я знал только цвет её платка. И её глаза, которые смотрели на меня с холодным спокойствием, без интереса, без любопытства — просто как на часть пейзажа.

Я повернулся и пошёл к отелю.

Город вокруг меня оживал. Зажглись фонари. Где-то иг-

рала музыка. Где-то смеялись дети. Марокко жило своей ночной жизнью, но я шёл мимо, не замечая ничего. В голове застрял её образ — бирюзовый платок, тёмная одежда, лёгкая походка, которая не оставляла следов на брусчатке. Она была странной. Тихой. Почти нереальной. Она не дала мне ничего — ни улыбки, ни имени, ни взгляда дольше секунды. Но она оставила после себя тишину. Плотную, густую, как воздух в этом городе.

В номере я сел на кровать и уставился в стену. Я не мог объяснить себе, что чувствую. Это не было влюблённостью. Это было что-то другое — более глубокое и странное. Чувство, что я столкнулся с чем-то настоящим в мире, где всё было фальшивым. С человеком, которому не нужно было моё имя. Который не искал моего внимания. Который просто прошёл мимо и исчез.

Я так и не узнал её имени.

Через месяц я почти забыл её лицо. Через два — не мог вспомнить, как звучал её голос. Но я запомнил её глаза. И то, как она ушла, не обернувшись. Я запомнил, что она была единственной, кто не смотрел на меня.

Два года спустя я увижу её снова.

В Ницце, в Université Lumière, в зале, где я буду стоять со своей командой. Я подойду к ней при всех, чтобы сказать что-то важное. Она поднимет на меня глаза, и в них не будет узнавания.

Она снова посмотрит на меня так, как будто я — часть пейзажа. И сделает что-то, что заставит меня понять — она не изменилась.

Всё та же тихая, спокойная, почти нереальная.

И всё такая же недостижимая.

А пока я стоял на площади в Касабланке, под жарким марокканским солнцем, и смотрел в пустоту. Слушал, как стихают её шаги. Дышал воздухом, который она оставила после себя.

Я не знал тогда, что это было начало. Что через два года я увижу её снова. Что она станет той, кого я не смогу забыть. Что её тишина окажется громче любых слов. Что она изменит мою жизнь — и даже не заметит этого.

Я не знал, что она — единственная, кто не смотрит на меня.

И что это станет главным правилом нашей игры.

Глава 1. Дана. Утро, которое пахнет корицей

Я открываю глаза, и первое, что я чувствую — запах.

Он просачивается сквозь щель между ставнями, смешивается с утренним светом, который золотыми полосами ложится на пол. Корица. Горячее молоко. Свежий хлеб из пекарни за углом. Запах, который я знала с рождения. Запах дома.

Я лежу на спине, смотрю в белый потолок с лёгкой трещиной у люстры, и мне кажется, что я могу лежать здесь вечность. Но я знаю — это не обычное утро. Я чувствую это по тому, как тихо за окном, как будто даже птицы притихли. Я чувствую это по тому, как тяжело в груди.

Я не скоро проснусь на этой кровати. Я не спущусь вниз, к маме, которая уже наверняка стоит у плиты и поправляет платок. Я не увижу папу с Кораном¹ в руках, когда он будет читать перед сном. Я больше не дам подзатыльник Адаму за то, что он вечно суёт свой мяч мне под ноги, когда я прохожу мимо. Я не обниму двух маленьких карапузов, которые каждое утро влетают в мою комнату, чтобы разбудить меня своим смехом.

Я сажусь на кровати. Комната залита мягким светом. На стенах — платки, которые я вешала с детства. На полке — книги, которые я прочитала. В углу — огромный чемодан. Тёмно-синий, раскрытый, пустой. Он смотрит на меня, как бездонная пасть, готовая проглотить всё моё прошлое.

Я встаю. Подхожу к чемодану. Сажусь на корточки и смотрю внутрь.

Что я могу взять с собой? Льняные рубашки — светлые, дышащие, которые мама купила мне на рынке прошлым летом. Широкие юбки, которые я люблю за их лёгкость и свободу. Платки — бежевый, серый, тёмно-синий, и ещё один — белый с вышивкой по краю, который бабушка привезла из Мекки. Фотографию, где мы все сидим на крыше, и солнце садится за минареты. Маленький Коран¹ в зелёном переплёте, который бабушка подарила маме, а мама — мне.

И ещё одну вещь. Свой мяч. Старый, потёртый, но всё ещё идеально лежащий в руке. Я кладу его в чемодан рядом с вещами. Потому что он — часть меня. Он — память о каждой тренировке, о каждом матче, о каждой победе и поражении. Я играю в школьной женской сборной уже три года, и я горжусь этим.

Я кладу вещи одну за другой, и каждое движение отдаётся в груди. Я не плачу. Я не позволяю себе плакать. Ещё нет.

В комнату пульей влетает Адам. Я даже не слышу, как открывается дверь — просто чувствую ветер. Он проносится мимо меня, как ураган, и в уже набитый чемодан суёт что-то яркое — большую глянцевую фотографию.

— АДАМ! — рывкаю я так громко, что он подпрыгивает.
— Ты что творишь?!

Он оборачивается, и в его глазах — смесь страха и довольства. Как будто он только что провернул гениальную операцию.

— Это тебе, — говорит он, запыхавшись.

— Я вижу, что это мне! Но зачем?!

— Чтобы ты не забывала, кто здесь главный баскетболист, — он ухмыляется и показывает на фотографию. Я смотрю. На ней — трое парней в баскетбольной форме Université Lumière², с мячами в руках. Я узнаю их мгновенно. Адриан Дюбуа в центре, седьмой номер, с этим его вечным хладнокровным лицом. Рядом — Лука Бланшар, спокойный, с синими глазами. И Этьен Леблан — рыжий, быстрый, как мол-

ния.

— Это фотка легендарной тройки, — говорит Адам, будто я сама не вижу. — Я специально достал её для тебя.

— Адам, я вижу эту тройку каждый день на твоих постерах. Я знаю, кто это. Я смотрела с тобой их матчи. Ты забыл?

Он смущается, но быстро берёт себя в руки.

— Тогда ты знаешь, что они — лучшие! — говорит он, тыкая пальцем в фотографию. — Ты будешь учиться в их университете! Ты должна...

— Я должна учиться, — перебиваю я. — А не собирать автографы.

В комнату вваливаются два маленьких карапуза.

Асад и Саад. Трёхлетние близнецы, с пухлыми щёчками и глазами, в которых светится всё счастье мира. Они почти не умеют ходить — они скорее переваливаются, как утята, но каждое их движение вызывает у меня улыбку.

Асад тянет ко мне маленькие ручки. Я подхватываю его на руки. Он пахнет детским кремом и солнечным светом.

Саад лезет за ним, пытается обхватить меня за шею, но я не выдерживаю — мы все трое падаем на кровать, смеясь.

— Вы что, решили меня задавить? — кричу я сквозь смех.

— Да! — кричит Асад.

— Да! — вторит Саад.

И мы лежим втроём, смеясь, дыша друг другом. В этот момент я забываю, что должна уехать. В этот момент я просто здесь. С ними.

Следом в комнату заходят папа и мама. Они стоят в дверях, глядя на нас с улыбкой. Комната, которая всегда казалась мне просторной, теперь кажется крошечной. Места нет. Но есть любовь. Её хватает на всех.

Сзади, мяукая, забегают две кошки — Бейба и Зейна. Они запрыгивают на кровать, сворачиваются клубочками у моих ног. А за ними, медленно, с достоинством, входит бабушка. В одной руке она держит трость, в другой — клетку с попугаем.

— Ну, — говорит она на своём мягком французском³, — вы устроили здесь цирк?

— Бабушка, это ты принесла попугая! — смеюсь я.

— Это он принёс меня, — отвечает она с серьёзным лицом. — Он решил, что должен попрощаться.

Попугай, будто понимая, что речь о нём, громко кричит: «Bonjour, ma belle!» — и все взрываются смехом.

Мы сидим на кровати — все вместе. Папа, мама, бабушка, Адам, близнецы, кошки и попугай. Я смотрю на них и чувствую, как внутри разливается тепло.

Мама сегодня в бирюзовом платке. Широкое белое платье. Она светится. Её глаза — такие же, как у меня: карие, с крапинками, как у человека, который много времени проводит на солнце. Веснушки на переносице. Тёплая улыбка. Я знаю, что я пошла в неё.

Папа и мальчишки — русые, голубоглазые, веснушчатые. Они загорелые, солнечные, словно всё детство провели на пляже. А я — истинная арабка. Тёмные брови, янтарные глаза, пухлые губы и прямой нос. Я смотрю на себя в зеркало и вижу маму. Вижу бабушку. Вижу всех женщин нашей семьи.

— Ну что, — говорит папа, поднимая Асада на руки, —

МЫ ГОТОВЫ?

— Мы готовы, — отвечаю я.

Мама берёт Саада. Бабушка берёт под руку Адама и меня. Кошки идут сзади. Попугай не отстаёт. Мы выходим из комнаты и спускаемся вниз.

Наш дом — милый, просторный, в марокканском стиле. Белые стены, синие ставни, мозаика на полу. Я люблю этот дом. Я люблю каждую его трещину, каждый звук, каждый запах. И я знаю, что буду скучать по нему больше, чем по чему-либо.

Внизу, на столе, уже стоит завтрак.

Манная каша с корицей. Свежий хлеб. Финики. Мятный чай в глиняных стаканах. Всё как всегда. Но мы все чувствуем — это не как всегда.

Мы садимся за стол. Папа во главе, мама рядом, бабушка напротив. Я между Адамом и близнецами. Мы берём ложки, и я смотрю на них, на их лица, на их руки. Я пытаюсь запомнить каждую секунду.

— Ну, — говорит папа, — расскажи нам, что ты будешь

изучать.

Я кладу ложку. Глубоко вдыхаю. Я думаю о том университете, который выбрала. О том, как я впервые увидела его сайт, как прочитала о его программах, как поняла — это то место, где я должна быть.

— Я выбрала международное право и образование, — говорю я. — Специализация — права человека. Я хочу работать с детьми-мигрантами. С теми, кто приезжает во Францию и теряет себя, потому что не знает языка.

Я рассказываю им о Université Lumière². О том, что он был основан в XVII веке как монастырь. О том, что его перестроили в университет в XIX веке, когда Ницца стала частью Франции. О том, что там сохранились старые фрески и сады, которые проектировал ученик Ленотра. О том, что он считается одним из лучших университетов Европы по праву и социальным наукам. О том, что там учатся студенты со всего мира, что там сильные программы и мощные традиции.

— Я знаю, что это звучит как мечта, — говорю я. — Но я хочу не просто учиться. Я хочу сделать что-то реальное. Я хочу открыть школы для детей-мигрантов. Чтобы они могли учиться, не теряя своей культуры. Чтобы они могли говорить на двух языках и не чувствовать себя чужими.

Мама смотрит на меня, и я вижу, как в её глазах блещут слёзы.

— Ты всегда хотела помогать, — говорит она тихо.

— Ты научила меня этому, — говорю я маме. — Ты преподавала французский детям мигрантов. Ты отдавала им своё сердце. Я хочу быть как ты.

Бабушка кладёт руку на мою.

— Ma petite étoile, — говорит она по-французски³. — Ты будет светить. Ты — свет нашей семьи.

Папа обнимает меня за плечи.

— Мы гордимся тобой, — говорит он. — Всегда.

Мы читаем дуа после трапезы. Все вместе. Огромной семьёй. Я закрываю глаза и шепчу слова, которые знаю с детства. Я благодарю за этот дом, за этих людей, за эту любовь.

Адам снова начинает.

— Ты знаешь, кто самый сильный игрок в той команде,

куда ты едешь? — говорит он, наклоняясь ко мне.

— Адам, я слышала это уже тысячу раз, — вздыхаю я.

— Ты не понимаешь! — он чуть не подпрыгивает. — Это же Адриан Дюбуа. Капитан, седьмой номер. Он лучший бомбардир лиги. Он забивает с трёхочковой так, что мяч сам знает, куда лететь. А Лука Бланшар — его пасы решают исход матчей, даже когда это не видно на табло. И Этьен Леблан — самый быстрый игрок в чемпионате. Если он идёт в отрыв — его не догнать.

— Я знаю, Адам, — говорю я. — Ты мне уже рассказывал.

— Я просто хочу, чтобы ты знала, какие они крутые!

— Я знаю, что они крутые, — говорю я. — Но я не собираюсь брать у них автографы.

Адам смотрит на меня. В его глазах — тот самый взгляд. Хитрый, уверенный, с прищуром.

— А если они сами подойдут к тебе?

— Адам, это смешно.

— Ты не знаешь! Вдруг им понравится твой платок!

— Тогда я скажу, что он от тебя.

Мы смеёмся. Я глажу его по голове.

Мы садимся в большую машину. Все вместе. Папа за рулём, мама рядом, бабушка с попугаем, Адам, близнецы, я. Мы поём нашиды — мягкие, красивые песни о доме и вере. Голоса смешиваются. Я смотрю на Адама, который поёт громче всех, на близнецов, которые хлопают в ладоши, на маму, которая улыбается сквозь слёзы. Я запоминаю это.

В аэропорту мы прощаемся. Долго. Я обнимаю каждого по несколько раз. Адам просит не забывать его. Бабушка крестит меня и шепчет молитву. Мама не отпускает мои руки. Папа молчит, но я вижу, что он сдерживает слёзы.

Когда подходит время проходить контроль, Асад вдруг вырывается из рук мамы и бежит ко мне. Маленький, смешной, с мокрыми от слёз глазами. Он не говорит ни слова, просто прижимается ко мне, и я чувствую его маленькие пальцы, сжимающие мою рубашку. Я подхватываю его на руки, обнимаю, целую в макушку. Он пахнет детством. Он пахнет домом.

— Я вернусь, — шепчу я ему в самое ухо. — Я вернусь. Обещаю.

Саад тянет ко мне ручки, но его держит папа. Я глажу его по щеке и улыбаюсь. Адам стоит чуть поодаль и смотрит в пол, потому что если он поднимет глаза, то заплачет. Бабушка сжимает мою руку и говорит:

— Ma petite étoile, помни: ты всегда часть нас. Где бы ты ни была.

Мама обнимает меня последней. Крепко. Шёпотом я про-
изношу:

— Я люблю тебя, мам.

— Я знаю, — отвечает она. — Я тоже.

Я разворачиваюсь. Иду к пункту досмотра. Не оборачиваюсь. Потому что если обернусь — я не уйду.

В самолёте я сижу у окна. Я смотрю в иллюминатор, на Марокко, которое уходит вниз. Красные крыши, золотые пески, минареты. Всё, что я люблю. Всё, что я оставляю.

Я прижимаю к груди Коран¹, который дала мама. И улы-

баюсь, вытирая слёзы.

Впереди — Ницца. Впереди — университет, о котором я мечтала. Впереди — всё, чего я хочу.

И я готова.

Примечания автора:

¹ Коран — священная книга мусульман, текст которой, по убеждению последователей ислама, был ниспослан пророку Мухаммеду через ангела Джibriля. Является основным источником религиозного и правового учения в исламе.

² Université Lumière — вымышленное название частного университета в Ницце (Франция), используемое в рамках художественного произведения. Название не имеет отношения к реально существующим учебным заведениям.

³ Французский язык — один из официальных языков Франции. В тексте используется для передачи культурного контекста и атмосферы.

«Bonjour, ma belle!» — с французского: «Здравствуй, моя

красавица!». Фраза попугая в сцене прощания.

«Ma petite étoile» — с французского: «Моя маленькая звезда». Ласковое обращение бабушки к внучке.

Дуа — в исламе личная мольба верующего к Богу, неформальная молитва, в отличие от обязательной молитвы (намаза). Может произноситься на любом языке в любое время.

Нашиды — исламские духовные песнопения, исполняемые без музыкальных инструментов. Часто содержат религиозные и нравственные наставления.

Глава 2. Дана. Два мира. Один мяч. Три секунды

Самолёт идёт на посадку, и я смотрю в иллюминатор. Подо мной — Ницца. Бирюзовое море, жёлтые крыши, зелень пальм вдоль набережной. Солнце заливает всё вокруг, и мне кажется, что даже воздух здесь светится по-особенному. Я прижимаюсь лбом к холодному стеклу и улыбаюсь.

Я здесь.

Марокко осталось позади. Мама, папа, бабушка, Адам, близнецы — они там, за тысячи километров отсюда. Я сжимаю в руке Коран в зелёном переплёте и чувствую, как от него исходит тепло. Я не боюсь. Я просто чувствую, что это начало.

Самолёт касается посадочной полосы. Лёгкий толчок, шум колёс, и мы катимся к терминалу. Я встаю, беру рюкзак, поправляю платок и выхожу в проход.

Внутри аэропорта прохладно, пахнет кофе и дорогой. Голоса вокруг звучат на французском — красивом, певучем,

том самом, который я знала с детства. Я достаю телефон и набираю Софи.

Она отвечает после первого же гудка.

— Ты где?! — орёт она в трубку так, что я отодвигаю телефон от уха.

— Выхожу, — смеюсь я.

Мы с Софи знакомы уже пять лет. Это целая жизнь, если считать по-человечески. Мы познакомились на дурацком форуме для подростков, которые готовились к поступлению за границу. Я тогда сидела в Касабланке, злая на весь мир, потому что мама сказала, что я слишком много времени провожу за компьютером. Софи сидела в Париже, в своей комнате с обоями в цветочек, и, как она потом призналась, искала единомышленников, потому что в её школе все девочки думали только о мальчиках и о том, какой лак для ногтей сейчас в тренде.

Мы сцепились в комментариях под постом о том, можно ли считать домашних животных членами семьи. Я написала, что кошка — это не член семьи, это отдельный человек, который живёт с тобой по своему усмотрению. Софи ответила: «Ты явно никогда не любила кошку по-настоящему». Я

ответила: «Ты явно никогда не видела, как кошка смотрит на тебя, когда ты не даёшь ей свой ужин». Она засмеялась в голос, хотя мы были по разные стороны экрана. Она сказала: «Ты странная. Мне это нравится».

С тех пор мы не расставались. Мы переписывались каждый день, созванивались по ночам, поддерживали друг друга в самые тёмные моменты. Когда у меня умерла бабушка, Софи звонила мне каждый день в течение месяца и просто молчала в трубку, потому что знала — я не хочу говорить, но мне нужно, чтобы кто-то был рядом. Когда её родители чуть не развелись, я сидела до четырёх утра с телефоном в руках, слушая её слёзы и пытаюсь придумать слова утешения. Мы знали друг о друге всё — и одновременно ничего. И вот теперь я здесь, в её городе, и мы наконец встретимся.

Я поднимаю голову и вижу её. Маленькая, с копной русых волос, растрёпанных и блестящих на свету. В джинсах с дырками на коленях, в клетчатой рубашке, завязанной узлом на талии, в кроссовках, которые на пару размеров больше. В руках у неё телефон, на плече — сумка с кошачьей мордой. Она выглядит так, будто её выдул ветер.

Я делаю шаг вперёд — и она бежит ко мне. Бежит через весь зал прилёта, перепрыгивая через чужие чемоданы и сумки, и я не выдерживаю — я тоже бегу.

Мы сталкиваемся посередине. Она обхватывает меня за шею, я обнимаю её за плечи, и мы просто стоим. Смеёмся. Дышим друг другом. Телефон выпадает у меня из руки. Её сумка падает на пол. Мой чемодан откатывается куда-то в сторону. Нам плевать.

— Боже, ты здесь, — говорит она в моё плечо.

— Я здесь, — отвечаю я.

Она отстраняется, смотрит на меня с головы до ног, улыбается во весь рот. Глаза блестят. Она пахнет ванилью и цветами.

— Ты такая же, как на видео, — говорю я.

— Я на видео круче, — заявляет она, поднимая вверх указательный палец.

Она подхватывает мой чемодан и тянет меня к выходу.

— Я сняла нам отель, — говорит она. — Самый милый в центре. Маленький, с балконом и цветами. Как из французского кино. Я всё спланировала.

— Конечно, ты всё спланировала, — говорю я.

— А ты что думала? — она улыбается. — У нас был план, Дана. С самого начала.

Она права. У нас был план. Мы выбрали этот университет ещё в старшей школе, когда только начали говорить о поступлении. Это был не просто выбор — это была мечта, которая стала целью.

Она тянет меня к такси. Я сажусь, и мы выезжаем на набережную. Я смотрю в окно, и ветер касается моего лица.

— Ты помнишь, как мы решили поступать сюда? — спрашиваю я.

— Конечно, — говорит она. — Ты сидела у себя в Касабланке, я — в Париже. Ты сказала: «Софи, я нашла его». И прислала ссылку.

— Я не говорила «я нашла его», — смеюсь я.

— Говорила, — настаивает она. — Ты сказала: «Это он. Это наш университет».

— Это был единственный вариант, — говорю я. — Я тогда

сразу поняла.

Я вспоминаю тот день. Как я сидела за столом, открыла сайт Université Lumière и поняла, что это то самое место. Не потому что он был красивым. А потому что он предлагал то, что нам было нужно: сильную программу по международному праву и образованию, лучший арт-дизайн в регионе, историю, атмосферу, престиж. Это был университет, который выиграл несколько премий в области архитектуры и устойчивого развития. О нём писали в журналах. Там учились студенты со всей Европы. Он был мощным, сильным, настоящим.

— Он лучший, — говорю я. — Я тогда сразу поняла.

— Ты всегда знаешь, что лучше, — говорит Софи. — Ты такая.

Мы подъезжаем к отелю. Маленькому, белому, с зелёными ставнями и геранью на подоконниках. Он пахнет старым деревом и цветами.

— Ну как? — спрашивает Софи.

— Идеально, — говорю я.

Мы заселяемся. Номер на третьем этаже, с высокими окнами и балконом. Я открываю ставни, и в комнату врывается воздух — солёный, свежий, пахнувший морем. За окном — крыши Ниццы, старые и уютные, а за ними — синева.

— Красиво, — шепчу я.

— Я же говорила, — улыбается Софи.

Мы сидим на балконе до самого вечера. Солнце медленно опускается за горизонт, окрашивая небо в оранжевый и розовый. Слышно, как где-то вдалеке кричат чайки, как шумит море. Воздух тёплый, влажный, он пахнет солью и цветами.

Софи говорит о Париже, о дизайне, о том, как она выбирала специальность. Она рассказывает, как рисовала эскизы в старой тетради, как вдохновлялась работами Кристиана Диора и Коко Шанель. Как хотела создавать одежду, которая будет говорить.

— Для меня это не просто одежда, — говорит она. — Это язык.

— Я знаю, — говорю я.

Я рассказываю о себе. О том, что я хочу помогать де-

тям-мигрантам. Чтобы они не теряли себя, когда учат чужой язык. Чтобы они не чувствовали себя чужими. О том, что я хочу открыть школы, где они будут учиться и не забывать свои корни. О том, что это был путь, который я выбрала не случайно.

— Ты всегда была такой, — говорит она. — Ты помогаешь. С самого начала.

— Я не знаю, как иначе, — говорю я.

Мы говорим до утра. Она засыпает первой. Я встаю, расстилаю коврик, читаю намаз. Шёпотом. Для себя.

Я просыпаюсь от солнца.

Оно заливает комнату, проникая сквозь щели в ставнях. Я открываю глаза и вижу балкон, а за ним — море. Синее, бесконечное, мерцающее. Я встаю, подхожу к окну и смотрю на него.

Софи ещё спит. Её волосы разметались по подушке, одеяло сползло на пол. Она выглядит как маленькая девочка. Я улыбаюсь.

Я звоню маме по видео. Она отвечает сразу.

— Дана! — её лицо засветилось на экране. — Ты как? Добралась? Ты ела?

— Всё хорошо, мам, — улыбаюсь я. — Посмотри.

Я поворачиваю телефон к балкону. Мама ахает.

— Боже, это красота. Ты в раю.

— Почти, — говорю я.

Адам пролезает в кадр. Растрёпанный, сонный, но глаза уже горят.

— Ты там?! — кричит он.

— Я здесь, — говорю я.

— Ты видела их?! — кричит он. — Ты видела Адриана? Луку? Этьена?

— Адам, я только приехала, — вздыхаю я.

— Ты увидишь их! И ты возьмёшь у них автограф!

— Я попробую, — говорю я.

— Ты не попробуешь, ты сделаешь! — кричит он. — У Адриана Дюбуа лучший трёхочковый в лиге, он выиграл чемпионат Франции в прошлом году! Седьмой номер!

— Я знаю, — говорю я.

— Ты знаешь, кто такой Лука Бланшар?

— Разыгрывающий, лучший по передачам.

— А Этьен Леблан?

— Форвард, самый быстрый, его называют «молнией».

— Ты запомнила! — кричит он.

— Я запомнила, потому что ты повторяешь это каждый день, — говорю я.

Мама смеётся. Адам сжимает кулак.

— Я жду автограф! — говорит он.

Софи просыпается от моего смеха. Она подходит к экрану, зевает и машет рукой.

— Привет, Адам!

— Привет, Софи! Ты помнишь про автограф?

— Я помню, — смеётся она. — Ты говорил.

— Ты знаешь, что он лучший?

— Знаю, — говорит она. — Ты говорил сто раз.

— А Дана тоже круто играет! — неожиданно добавляет Адам. — Ты знаешь, что она забила три трёхи подряд на прошлом матче?

— Адам! — рычу я.

— Что? — он улыбается. — Это правда.

— Я в курсе, — говорит Софи с довольным видом. — Мы уже обсудили.

Я закатываю глаза, но внутри мне приятно.

— Ладно, — говорю я. — Пока, мам. Я позвоню вечером.

— Береги себя, дочка, — говорит мама.

— И не забудь про автограф! — кричит Адам.

Мы прощаемся. Мама машет рукой. Адам сжимает кулак. Я кладу трубку.

Мы собираемся. Софи открывает свои чемоданы. Комната превращается в филиал парижского бутика. Везде — платья, штаны, шарфы, туфли. Она крутится перед зеркалом, перебирает, примеряет.

— Ты уверена, что это всё влезет? — смеюсь я.

— Влезет, — говорит она. — Это моя жизнь.

Она выбирает жёлтый асимметричный пиджак, строгие коричневые штаны, каблуки, золотые серьги. Она выглядит как с обложки. Я выбираю широкое бордовое кимоно, чёрный платок на голову и балетки. Всё просто. Аккуратно.

— Ты красивая, — говорит она.

— Ты тоже, — говорю я.

Перед выходом Софи смотрит на меня.

— Ты прочитала обеденную молитву?

— Да, — говорю я.

— Хорошо, — говорит она. — Я просто напостила.

— Я знаю, — улыбаюсь я. — Спасибо.

Мы выходим из отеля. Нам пришло письмо — в общежитии ждут к 14:00. Мы не успели поесть, поэтому забегаем в кондитерскую, хватаем круассаны и бежим ловить такси.

Кампус общежития находится в десяти минутах от университета. Мы подъезжаем к высокому зданию с белыми колоннами. Внутри — просторный холл с мраморным полом, кожаными диванами и картинами на стенах. Пахнет деревом и дорогим парфюмом.

Нас встречает мужчина. Ему лет пятьдесят, но выглядит он на сорок. Подтянутый, в фиолетовом жакете с золотыми пуговицами, в белой рубашке и тёмных брюках. На груди — нашивка с логотипом университета. В очках. С добрыми глазами.

— Добро пожаловать в Université Lumière, — говорит он.
— Меня зовут месье Бертран. Я ваш куратор.

— Здравствуйте, — отвечаем мы.

— Вы доехали без проблем?

— Да, спасибо, — говорю я.

— Отлично, — говорит он. — Тогда я покажу вам ваш новый дом.

Он ведёт нас по кампусу. Здание светлое, с высокими потолками, панорамными окнами. На стенах — картины с видами старой Ниццы. Он показывает нам библиотеку — старые книги, высокие стеллажи, запах бумаги и тишины. Столовую — светлую, просторную. Прачечную. Общую гостиную с мягкими диванами.

— Ваша комната, — говорит он, поднимая нас на третий

этаж.

Он открывает дверь, и я замираю. Две большие кровати, шкафы, столы. Высокое окно. Вид на море. Бесконечная синева.

— Это невероятно, — выдыхаю я.

— Это Ницца, — улыбается он.

— Скажите, месье Бертран, — спрашиваю я. — Почему этот университет считается одним из лучших?

Он улыбается.

— Хороший вопрос. Université Lumière — это не просто здания и программы. Это история, которую мы храним уже почти четыре века. Здесь учились люди, которые стали министрами, архитекторами, олимпийскими чемпионами. У нас сильнейшие программы в области права, искусств и спорта. Наш кампус — это архитектурный памятник. Сады проектировал ученик Ленотра. Фрески в библиотеке реставрируют уже десять лет, и это только часть.

— Спорт? — переспрашиваю я.

— Да, — говорит он. — Спорт — это наша отдельная гордость. У нас есть команды по футболу, теннису, плаванию. Но главное — баскетбол. Наша мужская команда трижды выигрывала национальный чемпионат. И в этом году они снова фавориты.

— Мы слышали, — говорит Софи.

— Вы интересуетесь баскетболом? — спрашивает он.

Софи смотрит на меня с хитрой улыбкой. Я чувствую, как краснею.

— Мой брат — фанат, — быстро говорю я. — Он просто помешан на этой команде.

— А вы сами? — не унимается месье Бертран. — Играете?

Я опускаю взгляд. Мне неловко говорить об этом. Это моя личная вещь, моя тихая страсть, о которой я не люблю распространяться.

— Немного, — говорю я тихо. — В школе.

— Дана очень стесняется этого, — внезапно говорит Со-

фи, и я бросаю на неё уничтожающий взгляд. — Но она играет в школьной сборной. И, по словам её брата, у неё отличный бросок с трёхочковой.

Месье Бертран улыбается шире.

— Это замечательно! У нас есть женская команда. Если захотите, можете попробовать себя.

— Я подумаю, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Мне хочется провалиться сквозь землю. Но внутри я чувствую лёгкое тепло оттого, что он не стал давить.

— Тогда вы должны знать, — говорит он, — что сейчас в мужской команде играет одна из лучших троек в истории университета. Лука Бланшар — разыгрывающий, лучший по передачам в лиге. Этьен Леблан — форвард, его называют «молнией» за скорость. И капитан — Адриан Дюбуа. Седьмой номер. Тот, у кого лучший трёхочковый бросок в стране.

— Мы знаем, — говорю я.

— Ваш брат будет счастлив, — улыбается он.

— Он уже счастлив, — говорю я. — Он просил взять у них автограф.

Месье Бертран смеётся.

— Тогда вам стоит прийти на матч. В следующую субботу они играют дома.

Он провожает нас до лифта и говорит:

— Завтра в 9:00 я жду вас у главного входа университета. Мы пройдем по кампусу, я покажу вам аудитории, лаборатории, спортивные площадки. Это будет насыщенный день.

— Спасибо, — говорю я.

Он улыбается и уходит.

Софи смотрит на меня.

— Следующая суббота? — спрашивает она. — Мы идём?

Я пожимаю плечами.

— Я ещё не решила.

— Ты пойдёшь, — говорит она. — Я знаю тебя.

— Софи, — говорю я, — я не хочу быть одной из тех, кто бегают за ними.

— Ты не будешь бегать, — говорит она. — Ты просто по-смотришь. Ради Адама. И ради себя.

Я молчу.

— Ты же знаешь, что хочешь посмотреть на их игру, — говорит она. — Не на них. На игру. На мяч. На то, как они двигаются. Потому что ты понимаешь это лучше, чем кто-либо из тех, кто сидит на трибунах.

Она права. Я знаю, что она права. Но я ещё не знаю, что этот матч изменит всё. Что я увижу его не на постере, а вживую.

А пока я просто стою у окна, смотрю на море и слушаю, как Софи что-то напевает про кошек. И внутри меня тихо, но уверенно растёт чувство: я на правильном пути.

Глава 3. Дана. Кrevetочный детектив

Мы заселились в кампус несколько часов назад, и я до сих пор не могу поверить, что это происходит на самом деле. Комната оказывается даже лучше, чем мы представляли: высокие потолки с лепниной, белые стены, которые отражают свет, и огромное окно, из которого видно море. Я стою у подоконника и смотрю на бесконечную синеву, и внутри что-то замирает от осознания — я здесь. Я действительно здесь.

Две кровати с мягкими матрасами, шкафы, письменные столы, и даже маленький балкончик, где можно сидеть с чашкой чая и смотреть, как солнце тонет в воде. Мы обустроились быстро — развесили плакаты, поставили книги, положили на подоконник маленький кактус, который Софи привезла из Парижа.

— Он будет напоминать нам о доме, — сказала она, водружая горшок на самое солнечное место.

— Или о том, что мы забыли его полить, — усмехнулась я. — Тогда он будет напоминать о нас самих.

Софи рассмеялась и запустила в меня подушкой.

Мы уже познакомились с соседками по этажу — этаж девичий, как и договаривались. На первом живут парни, на втором — мы, и это создаёт ощущение порядка и спокойствия, хотя, честно сказать, порядок здесь относительный. Каждая дверь приоткрыта, из каждой доносится музыка, голоса, смех. Мы киваем, улыбаемся, запоминаем лица. Я стараюсь запомнить каждого: вот девушка с рыжими волосами и веснушками, она играет на гитаре, и по вечерам из её комнаты доносятся аккорды; вот парень с книгой в руках, который читает в коридоре, прислонившись к стене, и не замечает никого вокруг; вот близняшки, которые ходят в одинаковых футболках, только у одной красная, у другой синяя, и они всё время спорят, кто из них старше на семь минут; вот парень с собакой, хотя в правилах написано, что животных держать запрещено, но он ходит с таким видом, будто эта собака — официальное разрешение.

— Ты видела того парня с собакой? — шепчет Софи, когда мы проходим мимо.

— Видела, — отвечаю я. — Похоже, он тут главный.

— Или просто наглый.

— Это одно и то же в этом кампусе, — смеюсь я.

Я смотрю на них, и внутри разливается что-то тёплое. Они все такие разные — с разными историями, разными мечтами, разными причинами быть здесь. Но все они здесь. И я — тоже.

Вечером, когда солнце уже начинает садиться за море, подсвечивая горизонт оранжевым и розовым, мы решаем приготовить пасту с креветками. Это наш ритуал: мы всегда готовим её в дни, когда нужно отпраздновать что-то важное. Но сегодня-особенный день. Мы готовим её не на расстоянии, а вместе, на одной кухне. И еще мы официально стали студентками Université Lumière.

— Итальянская ночь в Ницце, — провозглашает Софи, взбираясь на стул с пакетом продуктов в руках. — Это звучит как название фильма.

— Фильм закончится тем, что мы сожжём кухню, — отвечаю я. — Так что давай без драмы.

— Драма — это моё второе имя, — говорит она, спрыгивая на пол.

Мы спускаемся на кухню.

Она расположена на первом этаже и выглядит как что-то из журнала про дизайн интерьеров. Длинная мраморная столешница, огромная плита с шестью конфорками, два холодильника, которые жужжат в унисон, высокие шкафы с матовыми фасадами и деревянные полки, на которых аккуратно расставлены банки со специями и бутылки оливкового масла. На стенах висят медные кастрюли и сковородки — как в дорогом ресторане, только без официантов. В углу стоит мягкий диванчик, обитый серым велюром, где можно сидеть с чашкой кофе и смотреть на закат через панорамное окно. Пахнет деревом, мятой и чем-то уютным, домашним.

— Это лучшая кухня в мире, — говорю я, оглядываясь по сторонам.

— Это лучшая кухня в мире, — подтверждает Софи, ставя пакет на столешницу.

Мы раскладываем продукты: паста, чеснок, оливковое масло, сливки, зелень, специи. Софи достаёт пакет с креветками и с торжественным видом ставит его на стол.

— И главный ингредиент, — говорит она. — Барабанная дробь...

— Ты уже собралась делать из этого шоу? — смеюсь я.

— Это не шоу, — возражает она, — это ритуал.

Я открываю пакет. Пусто. Заглядываю внутрь. Переворачиваю. Ничего.

— Софи, — говорю я медленно, — ты купила креветки?

— Конечно, — отвечает она, не оборачиваясь и раскладывая специи в ряд по размеру. — Они в пакете.

— Там пусто.

— Что значит «пусто»?

— Это значит, что там нет креветок.

Она оборачивается и смотрит на меня. Потом на пакет. Потом снова на меня. Её глаза расширяются.

— Они там были, — говорит она, но голос уже дрожит от смеха. — Я их видела.

— Ты видела их в магазине или в пакете?

— В пакете, — говорит она с деланной уверенностью. — Я точно помню.

— Софи, — я поднимаю пакет и встряхиваю его для убедительности, — там. Пусто.

Она смотрит на меня. Я смотрю на неё. Тишина длится секунду, не больше. Потом мы обе начинаем смеяться. Мы стоим посреди кухни в полосатых пижамах — я в чёрно-белую полоску, она в розовую, Софи — с распущенными волосами, а я — с черным повязанным платком и дурацкими улыбками, и ржём так, что у меня начинает болеть живот, а слёзы текут по щекам.

— Кто-то украл наши кровати! — выдавливаю я сквозь смех.

— Это не смешно, — пытается сказать она серьёзно, но её голос срывается на хохот. — Мы потратили на них последние деньги!

— Какой идиот будет воровать кровати? — я сгибаюсь пополам.

— Тот, у кого нет денег на ужин! — Софи машет руками, и пакет летит в стену. — Кто-то здесь — преступник!

— Это преступление века[1], — говорю я трагическим голосом, прижимая руку к груди. — Кража креветок в кампусе Университета Люмьер!

— Мы должны найти вора! — она поднимает палец вверх, как героиня детективного сериала.

— Мы должны найти вора, — повторяю я, подхватывая её пафос. — Сегодня справедливость восторжествует!

Мы начинаем стучаться в соседние двери.

Сначала стучим к Эстель. Она живёт через две комнаты от нас, и мы уже успели с ней познакомиться. Она оказывается высокой, с длинными тёмными волосами, в очках с толстой оправой и с доброй, чуть застенчивой улыбкой. Она учится на медицинском и носит с собой блокнот, в который записывает всё, что видит. Забавно, но мы запомнили её именно по этому блокноту — она везде ходит с ним, и иногда ворчит на себя, если что-то забывает записать.

— Эстель! — я звонко стучу в дверь. — Открывай! У нас чрезвычайное происшествие!

Дверь открывается через несколько секунд. Эстель стоит на пороге, протирает глаза, поправляет очки на носу. Её тёмные волосы растрёпаны, а на плече накинут плед.

— Какое? — спрашивает она сонно, и зевает так, что я вижу её коренные зубы.

— У нас украли креветки! — Софи выпаливает это с таким серьёзным лицом, будто речь идёт о краже государственных секретов.

Эстель моргает. Смотрит на нас. Потом ещё раз.

— Креветки? — переспрашивает она, и в голосе просыпается смех. — Вы разбудили меня в десять вечера, чтобы сказать, что у вас украли креветки?

— Это не просто креветки, — я прижимаю руки к груди, — это креветки для нашей традиционной пасты. Мы их купили, положили в пакет, а теперь их нет!

— И вы думаете, что я их ukrала? — она приподнимает бровь, и уголки её губ начинают подрагивать.

— Нет, но ты могла видеть вора! — подхватывает Софи.

— Ты сидишь здесь, в своей комнате, с блокнотом. Ты всё замечаешь!

Эстель выдерживает паузу, а потом начинает смеяться — так, что очки съезжают на нос. Она смеётся звонко и громко, прикрывая рот ладонью.

— Я не видела ваших креветок, — говорит она, отдышавшись. — Но я хочу быть частью расследования! Сейчас переоденусь и пойду с вами.

Через пять минут она появляется в дверях в обычных джинсах и футболке. Мы идём дальше. Стучимся в каждую дверь.

Из каждой комнаты доносится что-то своё: у кого-то играет музыка, где-то слышен смех, кто-то уже готовится ко сну, а кто-то явно только начинает вечер. Мы заглядываем к девушке с гитарой, которая сидит с подругами на полу, обложенная подушками, и кто-то из них пьёт чай, причмокивая.

— Эй! — я заглядываю в комнату. — Вы не видели случайно пачку креветок?

— Какую пачку? — удивлённо спрашивает гитаристка, перестав настраивать струны.

— Обычную, в прозрачном пакете, — объясняет Софи.

— Зачем они вам? — смеётся её подруга.

— Мы хотим приготовить пасту, — говорю я.

— И вы думаете, я украла ваши креветки? — девушка с гитарой смотрит на меня с издевательским прищуром.

— Я не думаю, я спрашиваю!

— Нет, не крала, — она улыбается. — Но если найду — отдам.

— Спасибо, ты лучшая! — я показываю ей большой палец, и мы движемся дальше по коридору.

Мы проходим мимо комнаты, где играет музыка — что-то ритмичное, танцевальное. Там сидят три девушки, которые смеются и болтают, одна из них жуёт чипсы и роняет крошки на кровать. Я заглядываю.

— Извините, — начинаю я, и они все поворачивают головы, — вы случайно не видели пачку креветок? Мы купили, положили в пакет на кухне, а они исчезли.

— Креветки? — девушка с чипсами удивлённо замирает, даже не донеся очередную порцию до рта.

— Обычные, — подхватывает Софи, — в прозрачной упаковке.

Девушка с чипсами смотрит на подруг. Подруги смотрят на неё. Они переглядываются. А потом все трое начинают хохотать так, что чипсы разлетаются по комнате.

— Вы серьёзно? — сквозь смех говорит она. — Вы ищете креветки? В одиннадцать вечера?

— Это очень серьёзное дело, — с достоинством говорю я. — Паста без креветок — не паста.

— Мы не видели ваши креветки, — говорит одна из подруг. — Но удачи вам в поисках. Это легендарно.

— Спасибо, — киваю я, и мы выходим.

— Легендарно, — бормочет Софи, шагая по коридору. — Мы становимся местной легендой из-за креветок. Отлично.

Мы идём дальше. Коридоры всё ещё полны людей. Кто-

то уже ходит в пижамах, кто-то ещё в дневной одежде. Все выглядят расслабленными, сонными, улыбчивыми. Я замечаю, как парень с книгой поднимает голову и провожает нас взглядом.

— Это они? — шепчет он своей соседке.

— Похоже на то, — отвечает она, ухмыляясь.

— Что «они»? — спрашивает Софи, подозрительно сужая глаза.

— Вы те, кто ищет кровати? — парень уже улыбается, не скрывая этого.

— Вы уже знаете? — я удивлённо вскидываю брови.

— Весь этаж знает, — пожимает плечами парень. — Это самое смешное, что случилось здесь за два года моего обучения.

— Вы их не видели? — спрашивает Софи.

— Кровать не видел, — он давится смехом. — Но могу посмотреть у себя в тумбочке, если хотите.

— Не надо, — я останавливаю его. — Мы найдём их сами.

Мы останавливаемся у лестницы.

— Это безнадёжно, — говорит Софи, опираясь на перила.

— Нет, — я качаю головой. — Мы найдём их.

— Откуда ты знаешь?

— Я чувствую. Они где-то здесь. Я знаю это.

Софи смотрит на меня с лёгкой улыбкой.

— Ты как детектив в дешёвом фильме.

— Я как детектив в крутом фильме. И я всегда раскрываю дело.

Мы спускаемся на первый этаж.

Коридор здесь шире, пахнет мужским парфюмом и спортивным залом. На стенах висят постеры с баскетболистами, а в конце коридора стоит турник. Софи поднимает бровь, но ничего не говорит.

Мы стучим в первую дверь. Молчание. Стучим ещё раз.

Дверь открывается. На пороге стоит парень — высокий, кудрявый, широко улыбается. На нём футболка мадридского «Реала»[2] и спортивные штаны. В руках он держит телефон, похоже, он смотрел видео и его прервали. Но он не выглядит раздражённым — скорее, заинтригованным.

— О, девушки с креветками, — говорит он, расплываясь в улыбке. — Весь этаж гудит. Вы теперь звёзды.

— Правда? — я удивлённо смотрю на Софи.

— Слухи распространяются быстрее креветок, — пожимает он плечами. — Так что случилось?

— Мы ищем пачку креветок, — говорит Софи, сразу же переходя к делу. — Мы купили их, положили в пакет на кухне, а они исчезли.

— И вы думаете, я их украл? — он притворно хмурится.

— Нет, — я качаю головой. — Но вдруг ты что-то видел?

— Я ничего не видел, — он смотрит на меня, потом на Софи. — Но я могу помочь вам их найти.

Он выходит в коридор, обходит нас и направляется к кухне. Мы идём за ним, переглядываясь с сомнением. Парень заходит на кухню, оглядывается, наклоняется за холодильником — и через секунду выпрямляется с пачкой креветок в руках.

Он улыбается, протягивая её нам.

— Она упала, — говорит он. — Похоже, ты её уронила, когда проходила мимо. Или кто-то случайно смахнул на пол. Но она здесь.

Я застываю. Софи застывает. Мы смотрим на пачку, как на священный артефакт.

— Это они, — выдыхаю я.

— Это они, — выдыхает Софи.

Парень в футболке мадридского «Реала» улыбается и поднимает брови:

— Ну что, паста спасена?

— Спасена, — говорю я и беру пачку, как трофеем.

— Слушай, — вдруг говорит Софи, повернувшись к парню, — я поняла. Ты только что вписал себя в историю. Ты спас креветки. Это подвиг.

— Подвиг в моём понимании — это забить гол на последней минуте матча, — усмехается он. — Но спасение креветок, наверное, тоже считается. Сделаем так: вы не должны мне ничего, но если паста будет вкусной, поделитесь.

— Мы можем пригласить тебя, — говорю я, глядя на Софи. — И всех, кто искал. Мы же столько народу разбудили, пусть теперь попробуют результат.

— Всех? — переспрашивает парень с сомнением. — Там полтора этажа.

— Значит, будет много пасты, — усмехается Софи.

Через пять минут на кухне уже собирается целая толпа.

Я стою у плиты, шипит масло, пахнет чесноком и сливками. Софи помешивает соус, напевая что-то себе под нос. Эстель раскладывает тарелки, одна из соседок режет хлеб, кто-то достаёт из холодильника сыр, парень в футболке мадридского «Реала» находит в шкафу ещё одну пачку креветок

(запасную, как он сам говорит, «на случай чрезвычайной ситуации»).

Все смеются, болтают, перебивают друг друга. Кто-то рассказывает, как в первый день облился кофе в столовой, кто-то объясняет свои идеи о том, почему жизнь в кампусе похожа на реалити-шоу. Все перекрикиваются, и я не могу разобрать слов, но чувствую, как этот шум наполняет меня теплом.

— Ты не представляешь, — говорит одна из девушек, которую мы разбудили первой, — я думала, что вы устроили обыск из-за того, что произошло что-то серьёзное. А вы искали креветки!

— Мы разбудили половину этажа, — добавляет другая, — а вы нашли их за холодильником!

— Это был самый смешной вечер в моей жизни, — говорит кто-то из парней.

Я улыбаюсь, помешивая пасту. Внутри тепло — не от плиты. От людей. От того, что мы нашли друг друга. От того, что все эти незнакомые лица, которые ещё час назад были просто соседями, сейчас сидят за одним столом и смеются над глупой историей про креветки.

— Как вы вообще додумались искать их за холодильником? — смеётся одна из девушек, передавая мне тарелку с зеленью.

— Я просто предположил, — пожимает плечами парень в футболке мадридского «Реала». — У меня дома кот вечно закатывает всё под шкаф. Кроветки — не исключение.

— Спасибо, что не нашёл там дохлую мышь, — говорю я, и все снова заливаются смехом.

— Если бы я нашёл мышь, вы бы сейчас ели пасту с мышью, — усмехается он, и все уже начинают утирать слёзы.

— Ты нас подкальываешь, — говорит Софи, закатывая глаза. — А потом говоришь, что ты серьёзный.

— Я серьёзный, — отвечает он с невозмутимым лицом. — Просто у меня такое чувство юмора.

— Такое же, как у моей бабушки, — фыркает Софи, и мы все снова начинаем смеяться.

Когда паста готова, мы садимся за длинный стол. Все вместе. Тарелки передаются по кругу, вилки стучат, кто-то пыта-

ется налить яблочный сок в пластиковые стаканчики, и одна из девушек смеётся, проливая его на скатерть. Пахнет вкусной едой, смехом и чем-то неуловимым — дружбой, которая только начинается.

— Ты не представляешь, — говорит Эстель — как я рада, что мы встретили вас. Вы невероятные.

— Мы тоже рады, — улыбается Софи. — Правда, Дана?

— Правда, — говорю я и смотрю на неё. — Только в следующий раз проверяйте, что креветки не падают за холодильник. Я не собираюсь проводить каждый вечер в поисках пропавших продуктов.

— Обещаю, — говорит Софи, поднимая руку, как будто даёт клятву. — Следующий раз будет спокойным.

— Ты это говорила перед тем, как мы устроили пожар на кухне, — смеюсь я.

— Это была не я, это был тот парень из параллельной группы, — пытается оправдаться она, но мы все уже смеёмся.

Все заливаются смехом. Я смотрю на Софи, на Эстель, на

всех этих людей, которые ещё час назад были незнакомцами, и чувствую внутри что-то новое. Тёплое. Не страх. Не тоску. Что-то, чему я пока не могу найти название.

Может быть, счастье.

Мы едим, болтаем, смеёмся до полуночи. Кто-то уходит первым — ему завтра рано вставать на первую пару. Кто-то остаётся до самого конца — перебирает стулья, помогает мыть тарелки, говорит, что «помнит этот вечер до самой старости». Парень в футболке мадридского «Реала» предлагает устроить кулинарный батл в следующий раз, и все подхватывают эту идею с восторгом.

— Только без креветок! — кричу я ему вслед, когда он уходит, и он оборачивается, улыбаясь.

— Без креветок — неинтересно! — отвечает он и скрывается в коридоре.

Я стою у окна, смотрю на море, которое уже сливается с ночным небом. Внутри всё ещё тепло. И я понимаю, что это только начало. Что будет ещё много таких вечеров — безумных, шумных, полных смеха и нелепых приключений.

— Дана! — кричит Софи. — Иди к нам, мы будем уби-

раться!

— Иду, — говорю я, отворачиваясь от окна, и в груди разливается то самое чувство.

Дом не всегда там, где ты родился. Иногда он там, где тебя находят.

Примечания автора:

[1] «Преступление века» — ироничное выражение, которое используется для описания чего-то незначительного, но поданного с пафосом, как будто это событие мирового масштаба.

[2] «Реал» (Мадридский «Реал») — испанский футбольный клуб из Мадрида, один из самых титулованных и популярных клубов в мире. Футболка с его символикой — частый элемент гардероба среди поклонников футбола и спортивного стиля.

[3] Кампус — территория университета, включающая учебные корпуса, общежития, столовые, спортивные сооружения и другие здания, предназначенные для проживания и

обучения студентов. В контексте главы — место, где живут и учатся герои.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.